

ЕЩЕ О ПРАГМАТИКЕ И ДАТИРОВКЕ ПУШКИНСКИХ ПОМЕТ НА ВТОРОЙ ЧАСТИ «ОПЫТОВ В СТИХАХ И ПРОЗЕ» К. Н. БАТЮШКОВА¹

А. Ю. Балакин
(С.-Петербург)

I

Ниже пойдет речь о проблеме, которая владеет умами пушкинистов уже более ста лет. В разные годы выдвигались разные варианты ее решения, предлагались различные гипотезы, но ни одна из них не получила общего признания. Речь идет о том, каким временем следует датировать развернутые пометы Пушкина на принадлежавшей ему второй части книги Батюшкова «Опыты в стихах и прозе» (Батюшков 1817). Хотим предложить одну гипотезу и мы.

В 1894 году в статье «Пушкин о Батюшкове» Л. Н. Майков сообщил о находке экземпляра второй части «Опытов...» Батюшкова, который был испещрен пометами Пушкина, а в конце находилась пушкинская копия батюшковской элегии «Есть наслаждение и в дикости лесов...» (см.: Майков 1894: 528–555)². Майков сразу оценил важность этих помет и процитировал многие из них в своей статье, не ставя, однако, своей целью точного и полного их воспроизведения. По ряду признаков он предположил, что они возникли «не ранее второй половины 1826 года и, может быть, не позже 1828 г.» (Майков 1894: 533), однако комплексное их изучение с целью более точной датировки ученым предпринято не было.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на Международных научных чтениях в честь 75-летия В. Э. Вацура (ноябрь 2010 г.).

² С изменениями перепечатано: Майков 1895: 190–222; Майков 1899: 284–317.

Впоследствии пушкинский экземпляр с пометами пропал, но в начале 1930-х годов в Библиотеке Академии наук Л. Б. Модзалевский нашел принадлежавший Майкову экземпляр «Опытов...»³, на который тот почти с дипломатической точностью перенес пушкинские пометы. Этот экземпляр изучил В. Л. Комарович, посвятивший пометам большую статью в пушкинском томе «Литературного наследства» (см.: Комарович 1934: 885–904), а затем подготовивший их публикацию в 12-м томе академического Полного собрания сочинений Пушкина (этот том вышел в свет в 1949 году уже после смерти ученого; см.: Пушкин 1949)⁴. Комарович предположил, что пометы наносились в два приема: пять чернильных помет были сделаны в 1817 году, а остальные карандашные – осенью 1830 года⁵; копию же элегии он датировал 1819–1820 гг.

В 1974 году точку зрения Комаровича оспорила В. Б. Сандомирская, попытавшаяся поставить пометы в контекст творчества Пушкина и его отношения к Батюшкову в разные периоды жизни: «...ряд соответствий между произведениями Батюшкова и творческими замыслами Пушкина 1821–1824 гг., а также несомненная связь помет в “Опытах” с работой Пушкина по подготовке собрания своих стихотворений, план которого вполне сформировался в его сознании к концу 1824 г., позволяют нам датировать пушкинские пометы <...> 1821–1824 гг.» (см.: Сандомирская 1974: 35). Что же касается датировки записи элегии, то Сандомирская присоединилась к мнению Майкова (Сандомирская 1974: 20), который датировал ее 1826–1828 гг. – тем же временем, что сами пометы.

Через три года свою гипотезу о времени возникновения помет выдвинула И. М. Семенко – в статье, сопровождающей подготовленное ей издание «Опытов в стихах и прозе» в серии «Литературные памятники» (1977). Исследовательница предположила, что одна из помет переключается с дневниковой записью В. К. Кюхель-

³ Ныне хранится: ИРЛИ, ф. 244, оп. 6, ед. хр. 38.

⁴ Далее будет цитироваться с указанием страницы.

⁵ Эту датировку косвенно подтвердил И. Е. Бабанов, связавший одну из помет с идеями Г. Э. Лессинга, фигура которого была актуальна для Пушкина именно осенью 1830 г. (см.: Бабанов 1979: 170–171).

бекера от 28 апреля 1834 года. По ее логике, пушкинская запись является репликой в споре со своим бывшим лицейским приятелем, напомнив, что хоть Кюхельбекер и находился в то время в Петропавловской крепости, но состоял в переписке с Пушкиным и пересылал ему свои рукописи, а возможно, и части дневника. Предложив еще один косвенный аргумент, Семенко резюмировала: «Не исключено, таким образом, что пушкинские заметки сделаны после 1834 г.» (Семенко 1977: 491).

Спустя еще два года свою датировку предложила Р. М. Горохова (см.: Горохова 1979: 24–45). Она обнаружила переключку одной из помет со статьей П. А. Плетнева «Разбор элегии Батюшкова “Умиравший Тасс”» (см.: Плетнев 1823: 210–227), опубликованной в третьем номере «Журнала изящных искусств» за 1823 год⁶. Исследовательница предположила, что едва ли Пушкин мог читать этот журнал на Юге, и скорее всего в его руки он попал уже в Михайловском. Исходя из этого было предложено исследовательнице датировать пометы концом 1824 – началом 1825 года.

В 1995 году к пушкинским пометам обратился В. А. Кошелев, предложивший взглянуть по-новому на их прагматику. Он писал: «Все исследователи (вне зависимости от того, каким временем датировали они эти пометы) исходили из того, что Пушкин делал на экземпляре “Опытов...” заметки “для себя”. Но, во-первых, все остальные дошедшие до нас заметки Пушкина на полях чужих сочинений <...> сделаны не “для себя”, а для авторов этих сочинений. <...> Во-вторых, при таком подходе оказывается неясной *целевая*

⁶ В библиотеке Пушкинского Дома хранится комплект этого журнала, присланный Плетневу его издателем В. И. Григоровичем. На последней странице названной статьи есть помета автора: «NB. Места, поправленные карандашом, переменены были Цензурою без воли сочинителя» (цензором журнала был А. И. Красовский); приводим здесь эти перемены для будущего издателя Плетнева-критика или историка русской цензуры: стр. 211, строка 3: Кажалось, что неблагоклонная к нему судьба > Кажалось, что враждебная судьба; стр. 215, строка 3: как холодная и отчасти странная мысль > как холодная мысль; стр. 217, строка 6: пересилить неблагоклонной к нему судьбы > пересилить враждебной судьбы; стр. 225, строки 28–29: Любовь непорочная не противоречит набожности > Любовь не противоречит набожности; стр. 227, строки 9–10: должна уступить *Умиравшему Тассу*. > в сравнении с *Умиравшим Тассом* ученическое произведение.

направленность большинства помет. Какой смысл “для себя” делать пометы типа: “прекрасно”, “вяло”, “лишний стих”, “неудачный перенос”, “ошибка мифологическая”, “галлицизм” и т. д.? Такого рода замечания <...> в контексте собственно пушкинской целенаправленности явно бессмысленны, и смешно предполагать, что Пушкин исправляет Батюшкова затем, чтобы в собственных стихах избежать подобных ошибок» (Кошелев 1995: 98). Ученый выдвинул гипотезу, что большая часть помет сделана молодым Пушкиным для самого Батюшкова, по его просьбе, перед его отъездом в ноябре 1818 года из Петербурга в Неаполь. Другая часть помет сделана, по его предположению, в 1824–1825 гг., когда Пушкин, услышав о помешательстве Батюшкова и остро переживая эту потерю первоклассного поэта для литературы, перечитывал его стихи.

И наконец в 2003 году большую статью проблеме датировки помет посвящает О. А. Проскурин. Подвергнув критике (зачастую очень резкой и несправедливой) концепции Майкова, Комаровича, Гороховой и Кошелева (но не упомянув о Семенко), он в целом присоединяется к мнению Сандомирской, пытаясь локализовать предложенную ею датировку. При этом исследователь соглашается с замечанием Кошелева о важности ответа на вопрос: зачем и для кого Пушкин делал эти пометы. Сам Проскурин отвечает на этот вопрос так: «Пометы Пушкина на полях “Опытов” представляются нам *репликами и аргументами* в одесских спорах о Батюшкове с ведущими поэтами-“батюшковьянцами” – Раичем и Туманским. Сама демонстративная резкость некоторых помет объяснима только полемическим контекстом: скажем, указания на погрешности и шероховатости стиха Батюшкова могли быть вызваны неумеренными похвалами батюшковской “гармонии”, педантичная фиксация грамматических ошибок – восторгами по поводу совершенства языка батюшковской поэзии, констатация логических противоречий и несообразностей – восхищением композиционным мастерством, и т. д. <...> Скорее всего, пометы были результатом уже имевших место споров и выступали аргументами для их продолжения. Несомненно при этом, что обобщающие, оценочные комментарии под текстами предназначались не “для себя”, а для чтения посторонним глазом –

на это указывают коммуникативная модальность некоторых из них <...>. Следовательно, мелкие пометы на полях, каково бы ни было их первоначальное назначение, тоже становились предметом чтения и, таким образом, могли стать известны и за пределами одесского круга. Разница между записями карандашом и чернилами свидетельствует о том, что записи делались не в один прием. Но никаких эстетических оснований относить комментарии к разным периодам творческого пути Пушкина <...> у нас нет: вероятная дистанция между ними – не годы, а дни или даже минуты» (Проскурин 2003: 265–266). Следуя этой логике, и сопоставив ряд помет с пушкинским творчеством 1822–1823 гг., Проскурин датировал пометы августом – первой половиной сентября 1823 года, «то есть временем от окончательного переезда Пушкина в Одессу (и прибытия туда Туманского) до отъезда Раича в Москву» (Проскурин 2003: 266). О копии батюшковской элегии он не упоминает и, соответственно, никак ее не датирует, полагая, очевидно, – как и все предыдущие исследователи – что ее появление на пушкинском экземпляре «Опытов» никак не связано с остальными пометами.

Предлагая датировку помет, каждый из исследователей смотрел на них (включая копию элегии) не как на единый палеографический комплекс, а как на «собрание пестрых глав», слабо связанных друг с другом смыслом и логикой. Те их фрагменты, которые мешали той или иной концепции, либо не комментировались, либо объявлялись случайными и несущественными. Нам же хочется попытаться показать, что они все взаимосвязаны, подчинены единой логике, делались в одно время и с одной целью.

2

Попробуем охарактеризовать пометы, разбив их на несколько групп.

Первую составят оценки того или иного стихотворения, записанные, как правило, после текста, в нижней части страницы – всего их три десятка⁷. К этой группе примыкает другая – односложные

⁷ Это пометы: «Весьма дурные стихи» (257), «Вообще мысли пошлые, а стихи не довольно живы» (258), «Прекрасный перевод» (259), «Одна из лучших элегий

в большинстве своем пометы такого же характера, относящиеся к той или иной строчке, обороту или периоду. Эта группа самая многочисленная, а разброс оценок колеблется от «какая дрянь» (270) и «как плоско!» (275) до «гармония» (268) и «прекрасно!» (267).

Следующая группа – это подчеркивания без каких-либо оценок (хотя в отдельных случаях Пушкин явно отмечает неудачные рифмы); кроме подчеркивания отдельных слов и строк сюда же надо поместить и отчеркивания на полях целых строф.

Особняком стоит группа помет, которыми Пушкин не только указывает на неудачное, по его мнению, место, но предлагает, как его исправить. Так, отмечая крестиком заглавие «Надежда», он предлагает: «Точнее бы *Вера*» (257), подчеркивая в строке «Цвела невинностью близь матери твоей» последнее слово, он ставит на полях «своей» (260), рядом со строкой «И жребий с трепетом читает» пишет «Должно быть: свой жребий» (261); это и пометы «Невежество непростительное!» (266), «Библиизм неуместный» (267), «*Te Deum laudamus*, а по нашему должно бы *Царю небесный*» (279) и ряд других.

В отдельную группу объединим вычеркивания – как отдельных строф, так и больших периодов (иногда сопровождаемые пометами

Б.<атюшкова>» (260), «Стихи замечательные по счастливым усечениям – мы слишком остерегаемся от усечений, придающих иногда много живости стихам» (261), «Прелесть кроме первых 4» (262), «Прелесть и совершенство – какая гармония!» (262), «Есть чувство» (263), «Прелесть» (263), «По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения – лучшая элегия Батюшкова» (263), «Не стоит ни прелестной прозы Парни, ни даже слабого подражания Мильвуа» (265), «Вся элегия превосходна – жаль, что перевод» (267), «Сильное, полное и блистательное стихотворение» (268), «писано в молодости поэта. Самое слабое из всех стихотворений Б.<атюшкова>» (272), «Это стихотворение дышет каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения – слог так и трепещет, так и льется – гармония очаровательна» (274), «Преглупая пьеса» (274), «Прекрасно, достойно блестящих и небрежных шалостей фр.<санцузского> остроумия – и везде язык поэзии» (276), «Как неудачно почти всегда шутит Б.<атюшков>! Но его *Видение* умно и смешно» (276), «Цель послания не довольно ясна; недостаточно то, что выполнено прекрасно» (276), «Цирлих манирлих. С Д. Давыдовым не должно и спорить» (277), «Вот Б.<атюшковск>ая гармония» (279), «Переведенное острословие – плоскость» (279), «Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно – всё вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.» (283), «Лучшее стихотворение поэта – сильнейшее, и более всех обдуманное –» (283), «прелесть!» (284) и некоторые другие.

«Лишнее»): из элегии «Мечта» Пушкин вычеркивает 27 строк, из «Моих пенат» – 11, из «Любви в челноке» – 16, из «Счастливица» – 44, плюс полностью зачеркивает пять эпиграмм⁸. Самому радикальному сокращению подвергается «Странствователь и домосед» – из него вычеркивается в совокупности свыше ста строк из 383-х.

Последнюю группу составят заметки историко-литературного и мемуарного характера; их меньше всего, но они наиболее известны и чаще всего цитируются. Пушкин отмечает, какие стихи нравились самому Батюшкову (263), какие ценил Вяземский (265), какие осуждал Дмитриев (262), над какими иронизировал Катенин (270); сюда же можно отнести также указания на источники переводов, подражаний и цитат⁹, разночтения с предыдущими публикациями¹⁰ и пометы атрибуционного характера¹¹.

На экземпляре «Опытов» есть еще одна серия помет, о которой упомянул только Комарович: «Уже оглавление <...> имеет тут, почти перед каждым заглавием, особую помету карандашом: черточку или нолик; без всякого знака оставлено (может быть по недосмотру) только заглавие “Переход через Рейн, 1814”; из остальных же отмечены ноликами: “Дружество”, “Веселый час”, “Судьба Одиссея”, “На смерть супруги К-на”, “К П-ну”, “Хор для выпуска благородных девиц Смольного монастыря” и “Сон воинов”, т. е. все те пьесы, которые не имеют заметок Пушкина; заглавия остальных отмечены сбоку черточками» (Комарович 1934: 886). Похожими пометами Пушкин снабдил список своих стихотворений, составленный в 1828 году, только кроме кружочков и черточек там есть плюсы и тильды (Рукою Пушкина 1997: 178–179): как доказал Б. В. Томашевский, этими пометами он разносил свои стихи на определенные группы. Еще раз подчеркнем: ноликами Пушкин отме-

⁸ Возможные мотивы зачеркивания эпиграмм проанализированы в статье: Кошелев 2005.

⁹ «Неудачное подражание Millevoeye» (263); «Подр.<ажание> Ломоносову и Torrismondo» (267); «Стих Муравьева» (277); «Подражание Парни, но лучше подлинника, живее» (277) и пр.

¹⁰ «Было прежде: чаш пролитых вином – точнее» (262); «Было прежде: белым снегом» (265).

¹¹ «Это не Батюшк<ова>, а Блуд<ова>, и то перевод» (279).

тил только семь не самых выдающихся стихотворений Батюшкова из почти семи десятков, вошедших в «Опыты»; причем только те, которые не удостоились внимания владельца книги – как благосклонного, так и неблагосклонного, и было бы странно предполагать, что эти пометы явились следствием каких-то эстетических споров.

Как видим, большинство пушкинских помет имеют отнюдь не полемический, а скорее редакторский характер: зачем для полемических целей вычеркивать неудачные строки и целые фрагменты, отмечать разночтения, предлагать свои исправления, указывать в оглавлении стихотворения, оставшиеся без замечаний? Кроме того, нельзя не обратить внимание, что Пушкин оставляет пометы только на второй, стихотворной части «Опытов», игнорируя прозаическую, хотя в его экземпляре обе части были «переплетены в одну книгу» (Майков 1894: 533). Но ведь если б он действительно спорил с поэтами-«батюшковцами», то нашел бы пищу для полемических суждений и в батюшковских статьях. И совершенно естественно, что Пушкин как редактор не считал нужным ни править стиль Батюшкова-прозаика, ни спорить с его суждениями.

Интересно сравнить пушкинские пометы на экземпляре «Опытов» с его редакторскими замечаниями на рукописи стихотворения П. А. Вяземского «К ним», предназначавшегося для «Литературной газеты» (Рукою Пушкина 1997: 110–111). Если положить рядом эти два текста, то нельзя не увидеть типологическую схожесть пушкинских помет. Так, в строчке Вяземского «Меня прожгла незримою стрелою» Пушкин заключает в скобки последние два слова и пишет на полях: «лишнее»; на экземпляре «Опытов» в скобки заключена строка «Наследственным добром свои насытя взоры», а рядом на полях также стоит «лишнее» (280). Отчеркнув на полях несколько строк стихотворения Вяземского, Пушкин пишет на полях «прекрасно»; такие же пометы нередки на полях «Опытов» (258, 266, 268, 272 и др.). Две строки Вяземского Пушкин подчеркнул, вероятно, отметив как неудачные; подобными подчеркиваниями пестрят страницы пушкинского экземпляра сборника Батюшкова. Даже помета у одной строки «NB Княгиня <В. Ф. Вяземская> права, что морщится» очень

напоминает пушкинские отсылки к мнению других лиц о тех или иных строках Батюшкова¹².

К мысли о редакторском характере помет наиболее близко подошла Семенко, писавшая: «Пушкин выступает как нелюбимый рецензент, озабоченный при этом интересами автора; более того, он правит местами текст, зачеркивает длинноты, куски текста, которые считает “вялыми”. Происходит как бы повторная подготовка текстов “Опытов” к печати» (Семенко 1977: 487)¹³. Спустя десять лет то же повторит и Н. Н. Зубков: «Пушкин сделал то, на что не решились, несмотря на просьбу автора, ни Жуковский, ни Вяземский, ни даже Гнедич, – отредактировал сборник, последовательно и тщательно» (Зубков 1987: 337).

Особого разговора заслуживает копия элегии «Есть наслаждение и в дикости лесов...» История текста этого стихотворения подробно изучена, здесь обозначу ее пунктиром. Недоработанный батюшковский перевод 178 и половины 179 строф из IV песни «Странствований Чайльд-Гарольда» состоял из 17 строк; в таком виде его узнают друзья поэта. В конце 1827 года при подготовке очередного выпуска альманаха «Северные цветы» текст редактируется (предположительно Пушкиным и / или Жуковским – см.: Харджиев 1992: 6; Вацуро 1994: 163–165; Пильщиков 2013: 118): последние пять строк отбрасываются, вследствие чего стихотворение приобретает завершённый вид, в шести строках производятся замены¹⁴. Именно в таком виде эти стихи попали на страницы «Северных цветов на 1828 год». Кроме того, сохранилась их идентичная с печатным текстом наборная

¹² Ср. также пушкинские поправки на рукописях стихов А. А. Дельвига (Рукописи Пушкина 1937: 271–274).

¹³ Однако, Семенко была убеждена, что поэт делал пометы исключительно для себя, поэтому резюмировала: «Что было стимулом для нового, столь внимательного и придирчивого чтения Пушкиным “Опытов”, остается все же неясным» (Семенко 1977: 492).

¹⁴ «Ты сердцу моему дороже» на «Для сердца ты всего дороже»; «С тобой, владычица, я властен забывать» на «С тобой, владычица, привык я забывать»; «И то, что был, когда я был моложе» на «И то, чем был, как был моложе»; «С тобой я в чувствах оживаю» на «Тобою в чувствах оживаю»; «Их выразить язык не знает стройных слов» на «Их выразить душа не знает стройных слов»; «И как молчать о них, не знаю!» на «И как молчать об них, не знаю».

рукопись, выполненная самим Пушкиным (Рукою Пушкина 1997: 479–480).

Теперь взглянем на текст, записанный Пушкиным на нахзаце его экземпляра «Опытов». Майков не стал полностью его копировать, обозначив только разночтения с текстом «Северных цветов», которых два: вместо «Есть наслаждение и в дикости лесов» – «Есть наслаждение и в сумраке лесов», и вместо «Для сердца ты всего дороже» – «Для сердца моего дороже»; остальной текст, очевидно, совпадал с опубликованным. Отметим, что оба приведенные варианта не восходят и к первоначальному батюшковскому тексту, то есть являются самостоятельными. Из вышесказанного неизбежно следует вывод, что пушкинская копия не могла появиться раньше конца 1827 года, то есть Пушкин записал элегию либо одновременно с публикацией, либо уже после нее. Но зачем Пушкину понадобилось записывать элегию в принадлежащую ему книгу Батюшкова, когда у него либо уже был, либо вот-вот должен был появиться экземпляр «Северных цветов» с ее публикацией, которую он сам же и готовил? С какой целью и для кого была сделана эта запись?

3

Перенесемся в 1833 год.

Хотя с момента выхода «Опытов в стихах и прозе» прошло шестнадцать лет, их тираж к этому году едва ли разошелся: в газетах 1820-х годов время от времени появлялись объявления об их продаже¹⁵. Но несмотря на это кто-то из друзей Батюшкова задумывает переиздание его наследия. Этот замысел был реализован летом 1834 года, когда из печати вышло два тома под заглавием «Сочинения в прозе и стихах» и пометой «Издание второе» (цензурное разрешение – 19 октября 1833 г.). До нас не дошло никаких сведений, кто был инициатором этого издания и кто готовил его к выходу в свет¹⁶. Б. В. Томашевский утверждал,

¹⁵ См., в частности: Санкт-Петербургские ведомости. 1825. № 86. 27 окт. Приложение.

¹⁶ Цензурные документы не проясняют этот вопрос, а ставят новые: согласно записи в цензурной ведомости, в цензуру оригинал книги (издание 1817 года плюс рукописные

что «издание было подготовлено к печати Н. И. Гнедичем, но вышло в свет после его смерти» (Томашевский 1948: 335), однако не привел никаких документов или аргументов, доказывающих это утверждение. Согласно мнению В. А. Кошелева, в подготовке издания 1834 года принимал участие Д. Н. Блудов (см.: Кошелев 2005: 88), но документально это также не подтверждается.

Присмотримся к «Сочинениям в прозе и стихах» и попробуем определить, кто мог приложить руку к их появлению на свет.

«Сочинения» в основном повторяют структуру и состав «Опытов», но есть важные дополнения и перестановки. Во второй, стихотворной части, было добавлено несколько опубликованных к тому времени стихотворений (как появившихся в печати после 1821 года, так и опубликованных ранее, но не вошедших в «Опыты»), а одно помещено впервые¹⁷. Также была произведена перестановка: замыкавшие книгу стихотворения «Умиравший Тасс» и «Беседка муз» были перенесены – первое в начало раздела «Элегии», открывающего книгу, второе стало замыкать этот раздел. Кроме того была полностью перепечатана брошюра «О греческой антологии», представляющая собой одноименную статью С. С. Уварова, в текст которой были интерполированы стихотворные переводы Батюшкова¹⁸.

В первой, прозаической части на первое и второе места книги были перенесены из ее конца статьи «Нечто о морали, основанной

дополнения) предоставил книгоиздатель А. Ф. Смирдин (тем не менее, спустя год книгу выпустил его конкурент И. И. Глазунов). Согласно той же ведомости, оригинал издания одобрил А. Л. Крылов, хотя на обороте титульного листа “Сочинений в стихах и прозе” стоит фамилия А. В. Никитенко; остались пустыми графы, предназначенные для отметок о том, когда и кому был возвращен одобренный к печати экземпляр (см.: РГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 197, л. 44об. – 45; за эту справку благодарю Ольгу Макаревич).

¹⁷ Опубликовано под заглавием «Отрывок из Элегии» с пометой «Начала сей пизсы не отыскано» и первой строкой точек (Батюшков 1834: 75); данная публикация остается единственным источником текста этого стихотворения, поскольку рукописные источники не разысканы (в последних изданиях печатается под заглавием «Элизий»).

¹⁸ Анонимный рецензент «Библиотеки для чтения» в кратком отклике на выход книги специально отметил это: «Новое издание творений умного и столь справедливо любимого писателя, отлично красивое и достойное имени автора. Оно сверх того умножено его Антологиею, которая некогда была напечатана для друзей, в числе только пятидесяти экземпляров» (Библиотека для чтения. 1834. Т. 5. № 8. Отд. VI. С. 1).

на философии и религии» и «О лучших свойствах сердца», а также добавлен раздел «Письма и отрывки» (т. е. отрывки из писем). Здесь было помещено восемь писем; семь из них были напечатаны ранее, а одно публиковалось впервые. Нет сомнений, что редактор книги получил его из рук адресата, и что тот, следовательно, прекрасно знал о готовящемся издании.

Этот человек некогда был одним из ближайших друзей Батюшкова, а по выходе «Опытов» написал на них восторженную рецензию. Поэт посвятил ему лестное послание, а его труды неоднократно упоминал, сопровождая самыми высокими оценками. К 1833 году он стал влиятельным и могущественным сановником, управляющим Министерством народного просвещения, а затем и министром. Мы вправе предположить, что именно он мог вспомнить своего старого друга, столь рано и столь трагически покинувшего литературу, и выступить с идеей достойно издать его литературное наследие. Этим человеком был Сергей Семенович Уваров.

Конечно, инициаторами издания могли выступить и другие сочувственники Батюшкова: в 1833 году в Петербурге находились, в частности, Д. Н. Блудов и А. И. Тургенев, осенью из заграничного путешествия вернулся В. А. Жуковский. Но никаких следов их участия в издании 1834 года нет, хотя каждый из них располагал рукописными материалами Батюшкова, которые несомненно украсили бы его собрание сочинений¹⁹, а также мог указать на анонимные и псевдонимные публикации поэта в журналах 1800–1810-х годов. Отбор для нового издания опубликованных до 1821 года текстов удивляет: оно было дополнено лишь публикациями из «Вестника Европы» за 1810 год и «Драматического вестника»²⁰, хотя

¹⁹ Укажем, в частности, что у Блудова находилась тетрадь авторизованных копий сочинений Батюшкова, отразивших последние авторские изменения текста, а у Жуковского – экземпляр «Опытов» со значительной авторской правкой. Списками стихотворений Батюшкова (а в том числе и неопубликованных) располагал и Тургенев.

²⁰ Подавляющее большинство материалов в «Драматическом вестнике» публиковалось без подписей авторов или переводчиков, и на авторство Батюшкова мог указать только очень осведомленный человек. Фактически это был журнал, издававшийся кругом А. Н. Оленина (редактор – А. А. Шаховской), к которому в то время был близок Уваров. Это еще один аргумент в пользу того, что он имел отношение к

Батюшков публиковался и в «Цветнике», и в «Северном вестнике», и в «Журнале российской словесности», и в «Сыне отечества». К началу 1830-х годов отношения Уварова с Блудовым, Тургеневым и Жуковским были уже далеко не дружескими, и они вполне могли устраниваться от участия в предпринятом им издании.

Сам Уваров, разумеется, не мог осуществлять редакционно-техническую работу по изданию, у него должен был быть помощник. А поскольку «Сочинения в стихах и прозе» были подготовлены на самом высоком для того времени уровне, то стоит думать, что этот человек был не новичком в книжном деле и обладал как вкусом к изданию книг, так и необходимыми профессиональными навыками. Всеми этими качествами в полной мере обладал непосредственный подчиненный Уварова (более того – его протеже), профессор Санкт-Петербургского университета Петр Александрович Плетнев.

Уже в 1820-е годы Плетнев приобрел в пушкинском кругу славу внимательного и добросовестного издателя. Он подготовил к печати сочинения В. Л. Пушкина (1822) и В. А. Жуковского (1824), которые с технической стороны получали самые положительные оценки современников²¹, а позднее стал издателем книг Пушкина и одним из ближайших к нему лиц. К тому же Плетнев был горячим поклонником поэзии Батюшкова и в своих статьях 1820-х годов посвятил ему немало восторженных строк.

Как упомянуто выше, впервые на смысловую близость некоторых помет Пушкина к плетневскому разбору «Умирающего Тасса» Батюшкова обратила внимание Р. М. Горохова. Исследовательница также указала на перекличку пометы Пушкина «звуки италианские! Что за чудотворец этот Батюшков» с фразой из статьи Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» (1825): «Игривость Парни и задумчивость Мильвуа, выражаемые какими-то *Италианскими* звуками, дают только понятие об искусстве Батюшкова» (Плетнев 1825: 38); известно, что в январе 1825 года в Михайловском Пушкин внимательно прочел эту статью и высказал

изданию 1834 года (о «Драматическом вестнике» см.: Сводный каталог 2000: 76–77, там же указана основная литература вопроса).

²¹ См., например: Русский инвалид. 1823. № 39. 16 февр.

критические суждения в недошедшем до нас письме к ее автору (см.: Вацуро 1987: 4–7). «Трудно сказать, – писала Горохова, – было ли это случайным совпадением оценок или Пушкин как бы воспользовался определением Плетнева. Менее вероятно, что Плетнев опирался на слова Пушкина» (Горохова 1979: 38). Мнение Гороховой оспорил Проскурин; по его мнению, Плетневу стала известна формула Пушкина и он повторил ее в статье, таким образом позиционируя себя как пушкинский единомышленник. На вопрос, каким путем петербуржец Плетнев мог узнать о содержании помет на книге одессита Пушкина, Проскурин предпочитает не отвечать: «Трудно сказать, воспроизвел ли их сам Пушкин в каком-нибудь из писем Плетневу (они сохранились далеко не полностью) или Плетнев узнал их каким-то иным путем» (Проскурин 2003: 266).

Между тем, среди пушкинских помет есть одна, прямо полемизирующая с суждением Плетнева. Разбирая «Умиряющего Тасса», Плетнев цитирует его монолог и затем высказывает следующее суждение: «Поэтическое повествование, не отступая от исторического, должно иметь свой характер, свои красоты, свою цель» (Плетнев 1823: 219)²². Пушкин одну строку из этого же фрагмента элегии отмечает крестиком и рядом записывает: «Добродушие историческое, но не поэтическое» (284).

Если сравнивать пушкинские пометы с другими высказываниями Плетнева о Батюшкове, то нельзя отделаться от впечатления, что Пушкин спорит с ними, корректируя оценки, используя при этом его же лексику. Плетнев пишет о русском языке: «Ему вредят, его обезображивают неправильные усечения слов <...>. До времен Жуковского и Батюшкова все наши стихотворцы <...> подвержены были сему пороку...» (Плетнев 1822: 308). Пушкин находит у Батюшкова стихотворение с усечениями и не соглашается со своим младшим другом: «Стихи замечательные по счастливым усечениям – мы слишком остерегаемся от усечений, придающих иногда много живости

²² Ср. другое суждение Плетнева: «...поэзия имеет свои виды, отличные от истории. Поэт не смеет только переменять то, что составляет сущность исторического лица, т. е. его характер. Но частности жизни всегда в его распоряжении» (Плетнев 1885: 143; из статьи «Орлеанская Дева» Шиллера в переводе Жуковского», 1824).

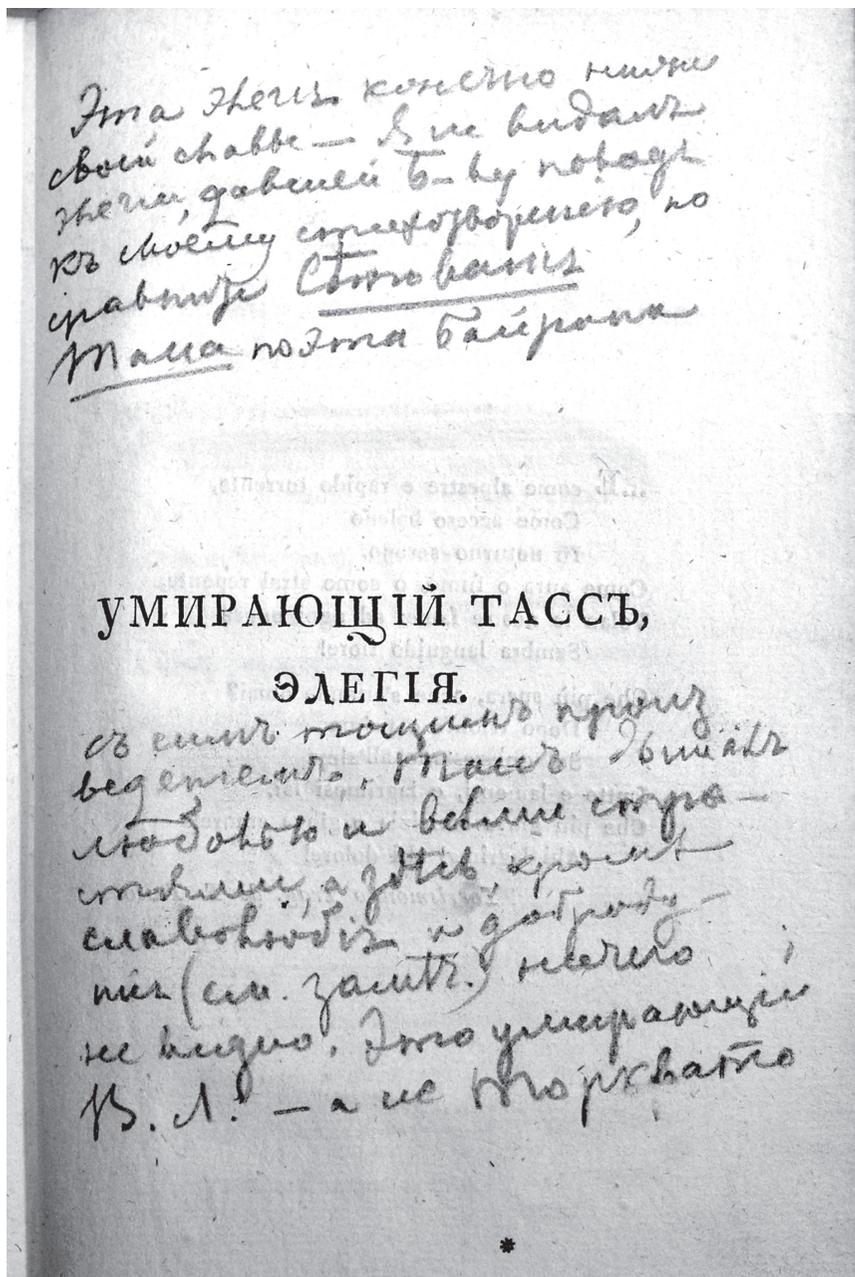
стихам» (261). «Состав его пьес всегда бывает обдуман строго; ход их ясен и свободен» (Плетнев 1822: 314), – утверждает Плетнев; Пушкин не соглашается, указывая на композиционные недостатки ряда стихотворений («Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно – всё вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.» – 283), а у «Перехода через Рейн» отмечает: «Лучшее стихотворение поэта – сильнейшее, и более всех обдуманное –» (283). Плетнев пишет, что Батюшков в стихах своих исполнен «движения, силы и ясности (главных достоинств стихотворного слога, по его же словам)» (Плетнев 1822а: 24); Пушкин находит эти стихи: «Сильное, полное и блистательное стихотворение» (268), «Сильные стихи» (273) и уже цитированное выше «Лучшее стихотворение поэта – сильнейшее, и более всех обдуманное –» (283). «Но сколько прелести во всей этой картине!» – пишет Плетнев о стихотворении «Мой гений» (Плетнев 1825: 39); Пушкин снижает пафос своего товарища: «Прелесть кроме первых 4» (262). «У него каждый стих дышит чувством», – восторгается Плетнев (Плетнев 1825: 38); «Есть чувство» (263) – охлаждает Пушкин, находя его только в одном стихотворении, «В день рождения Н.».

Все вышесказанное наводит на мысль, что пометы Пушкина предназначались для Плетнева, который приступил к подготовке нового издания сочинений Батюшкова и обратился к Пушкину с просьбой помочь ему в этой работе, высказать свои суждения о составе будущего сборника, отметить неудачные стихи и сократить длинноты. И Пушкин выполнил эту просьбу, буквально следуя своим же словам, с которыми некогда обращался к Плетневу же, готовившему его первый стихотворный сборник: «Только не подражайте изданию Батюшкова – исключайте, марайте с плеча» (Пушкин 1937: 153). Это предположение позволяет, на наш взгляд, наиболее удовлетворительно объяснить смысл появления всех без исключения помет, которые нанес на свой экземпляр Пушкин. Тут мы видим и правку заведомо неудачных, по мнению поэта, мест, и мотивированные рекомендации по редакции или исключению того или иного стихотворения, и историко-литературные заметки, которые Пушкин делал скорее всего потому, что видел в Плетневе

будущего биографа Батюшкова и хотел снабдить его материалом. Именно практическими редакторскими нуждами объясняется и появление на нахзаце «Опытов» батюшковской элегии с разночтениями по сравнению с первой публикацией: Пушкин немного поправил текст, который несомненно был известен Плетневу, и указал на свои поправки. Этот же характер имеют и пометы на оглавлении «Опытов»: как нам кажется, кружочками Пушкин отметил те стихотворения, которые предлагал исключить сразу, без обсуждения. Переключки же и скрытая полемика со статьями Плетнева о Батюшкове свидетельствуют о том, что перед работой Пушкин освежил их в памяти.

Среди помет есть одна, которая, как кажется, дает *terminus ante quem*: «Я не видал элегии, давшей Б<атюшко>ву повод к своему стихотворению, но сравните *Сетования Тасса* поэта Байрона с сим тощим произведением» (283). Здесь речь идет о байроновской поэме “The Lament of Tasso” (1817), знакомство Пушкина с которой отразилось, в частности, в стихотворении «Труд» (1830)²³. Обратим внимание на необычный перевод первого слова названия поэмы: поэт употребил нечастое для своего словаря слово «сетование» вместо напрашивающихся «жалоб» – именно так название этой поэмы закрепилось впоследствии в русском книгоиздании. Однако именно под заглавием «Сетование Тасса» поэма была впервые переведена на русский язык В. Трубниковым: в журнале «Славянин» в 1827 году был опубликован фрагмент (Славянин 1827), а в 1833 году в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» появился полный перевод (ЛПРИ 1833). Если интерес Пушкина к первому изданию неочевиден, то второе он несомненно читал и на перевод байроновской поэмы не мог не обратить внимание. Разумеется, поэтические достоинства перевода Трубникова были невысоки, к тому же Пушкин был знаком с поэмой и ранее. Однако мы не сомневаемся, что нанося помету, он неосознанно или сознательно воспроизвел заглавие уже опубликованного русского перевода. Отметим также, что в том же 1833 году Пушкин употребил то же ироническое опре-

²³ Об этом см.: Пушкин 2016: 229–232 (примеч. А. С. Бодровой).

Страница экземпляра «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова, принадлежавшего Л. Н. Майкову.

деление «поэт Байрон» в черновиках поэмы «Езерский» (Пушкин 1948: 417)²⁴.

Если же наша гипотеза имеет право на существование, то остается ответить на вопрос, почему пушкинские замечания остались неучтенными в издании 1834 года? Возможно, дело было в разнице взглядов на творчество Батюшкова: для литератора Пушкина это был живой собеседник, волею судеб не успевший тщательно подготовить к печати собрание своих сочинений; Плетнев же, вероятно, смотрел на наследие впавшего в безумие поэта как филолог, стараясь представить его публике с дипломатической точностью: для него это был уже «литературный памятник». Не исключено также, что в редакционный процесс мог вмешаться и Уваров, отношения которого с Пушкиным с весны 1834 года стали едва ли не враждебными. До открытия каких-либо документальных свидетельств обо всем этом можно только гадать. Но в любом случае мы уверены в том, что на экземпляре второй части «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова оставил свои пометы не Пушкин-полемист, а Пушкин-редактор.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабанов И. Е. 1979. «Покровенная голова Агамемнона». – Русская литература. № 4. С. 169–172.
- Батюшков К. Н. 1817. Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова. Часть II: Стихи. СПб.: В типографии Н. Греча.
- Батюшков К. Н. 1834. Сочинения в прозе и стихах Константина Батюшкова. Изд. 2-е. Ч. 2. СПб.: В типографии И. Глазунова.
- Вацуρο В. Э. 1987. «Опыт прямодушия»: Из истории литературно-критических воззрений Пушкина. – Литературное обозрение. № 2. С. 4–7.
- Вацуρο В. Э. 1994. Последняя элегия Батюшкова: К истории текста. – Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб.: Академический проект. С. 150–166.
- Зубков Н. Н. 1987. Опыты на пути к славе. – Зорин А. Л., Зубков Н. Н., Немзер А. С. «Свой подвиг свершив...». М.: Книга.

²⁴ За это указание благодарю И. А. Пильщикова.

- Горохова Р. М. 1979. Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умиравший Тасс»: (К вопросу о заметках Пушкина на полях «Опытов» Батюшкова). – Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л.: Наука. С. 24–45.
- Комарович В. Л. 1934. Пометки Пушкина в «Опытах» Батюшкова. – Литературное наследство. Т. 16–18. М.: Журнально-газетное объединение. С. 885–904.
- Кошелев В. А. 1995. В предчувствии Пушкина: К. Н. Батюшков в русской словесности начала XIX века. Псков: Издательство Псковского областного института усовершенствования учителей.
- Кошелев В. А. 2005. О феномене намеренной «дубиальности». – *Tusculum Slavicum: Festschrift für Peter Thiergen*. Zürich: Pano. S. 87–95.
- ЛПРИ 1833. Трубников В. Сетование Тасса: Поэма Лорда Байрона. (Посвящено В-ре Н-вне Фон-Дервиз). – Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1833. № 52. 1 июля. С. 411–416.
- Майков Л. 1894. Пушкин о Батюшкове. – Русский архив. № 4. С. 528–555.
- Майков Л. Н. 1895. Историко-литературные очерки. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева. С. 190–222.
- Майков Л. Н. 1899. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева. С. 284–317.
- Пильщиков И. 2013. «Есть наслаждение и в дикости лесов...» К. Батюшкова (предыстория и эдиционная судьба). – Хрестоматийные тексты: Русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту: University of Tartu Press. С. 106–124. (Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. [Вып.] IX).
- Плетнев П. А. 1822. [Из «Общей характеристики русских поэтов»]. – [Греч Н. И.] Опыт краткой истории русской литературы. СПб.: В типографии Н. И. Греча. С. 307–314.
- Плетнев П. А. 1822а. Антологические стихотворения «Муза» и «К уединенной красавице». – Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. Ч. 19. С. 17–32.
- Плетнев П. А. 1823. Разбор элегии Батюшкова «Умиравший Тасс». – Журнал изящных искусств. № 3. С. 210–227.
- Плетнев П. А. 1825. Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах. – Северные цветы на 1825 год, собранные бароном Дельвигом. СПб.: Изд. И. Слѣниным, [1824]. С. 3–80.
- Плетнев П. А. 1885. Сочинения и переписка / Изд. Я. Грот. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии Наук.

- Проскурин О. А. 2003. Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова: Датировка, функция, роль в литературной эволюции. – Новое литературное обозрение. № 6 (64). С. 251–283.
- Пушкин А. С. 1937. Полн. собр. соч. Т. 13: Переписка. 1815–1827. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Пушкин А. С. 1948. Полн. собр. соч. Т. 5: Поэмы. 1825–1833. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Пушкин А. С. 1949. Полн. собр. соч. Т. 12: Критика. Автобиография. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Пушкин А. С. 2016. Соч.: Комментированное издание / Под. общ. ред. Д. М. Бетэа. Вып. 3: Стихотворения: Из «Северных цветов» 1832 года. М.: Новое издательство.
- Рукописи Пушкина 1937. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Рукою Пушкина 1997. Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. Изд. 2-е, переработанное. М.: Воскресенье.
- Сандомирская Б. В. 1974. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова. – Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л.: Наука. С. 16–35.
- Сводный каталог 2000. Сводный каталог сериальный изданий России (1801–1825). Т. 2: Журналы (Г–Ж). СПб.: Издательство РНБ.
- Семенко И. М. 1977. Батюшков и его «Опыты». – Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подготовила И. М. Семенко. М.: Наука. С. 433–492. («Литературные памятники»).
- Славянин 1827. Трубников В. Отрывок из поэмы лорда Байрона: *Сетование Тасса*. (Посвящ<ается> М. П. Т.). – Славянин. 1827. Ч. 2. Кн. 26. С. 468–473.
- Томашевский Б. В. 1948. Список основных изданий сочинений Батюшкова. – Батюшков К. Н. Стихотворения / Вступительная ст., ред. и примечания Б. В. Томашевского. Л.: Советский писатель. С. 335–338. («Библиотека поэта». Малая серия. 2-е изд.).
- Харджиев Н. И. 1992. «Есть наслаждение и в дикости лесов...» – Литературная газета. 23 сент. № 39 (5416). С. 6.